

УДК 329(470)
ББК 66.69(2)+66.042

Новые российские партии в политическом процессе: проблемы эффективности участия

С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашикова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

New Russian Parties in Political Process: Issues of Efficient Participation

S.Yu. Aseev, Ya.Yu. Shashkova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Содержатся анализ партогенеза новых российских партий и оценка их роли в политическом процессе на федеральном и региональном уровнях. На материалах статистики показаны низкая электоральная активность и электоральная эффективность новых партий. Доказывается обусловленность данной ситуации сохранением бонапартистских черт российского политического режима, имитационностью политических новелл 2012 г., «замораживанием» и картелизацией российской партийной системы. Большое значение имеют особенности ценностных предпочтений и идеальной модели партийной системы в массовом сознании россиян, выступающих за существование в России нескольких крупных, тесно связанных с избирателями партий. Но главную роль играет специфика самих новых партий, в основном ограничивающих свое политическое участие выборами и выполняющих на них функцию спойлеров или каналов прохождения в муниципальные органы власти представителей местных элит или бизнес-групп. Особое внимание уделено процессу формирования новых партий в Алтайском крае, наглядно продемонстрировавшем инструментальный характер образующихся парторганизаций.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, электоральный процесс, Российская Федерация, регионы, политический режим, политическое сознание.

DOI 10.14258/izvasu(2015)2.1-39

Одним из последствий массовых выступлений в крупных городах в 2011–2012 гг. стали решения о либерализации ряда политических институтов, в частности партийной и избирательной систем — снижение нормативной численности партий до 500 членов и предоставление всем партиям права участия в выборах без сбора подписей, которым ранее обла-

The article deals with the analysis of genesis of new Russian parties and evaluation of their role in political development at both federal and regional levels. Low electoral activity and electoral efficiency of new parties is illustrated by the electoral statistics. The current situation is proved to have been caused by retaining Bonapartism of Russian political regime, simulating political myths of 2012, “freezing” and cartelization of Russian party system. Great importance is attributed to peculiarities of value system and ideal model of party system in collective consciousness of the Russians who are in favor of several big parties closely connected with the electorate. The biggest role is played by the specific character of the new parties themselves since their political activity doesn't go beyond participation in elections where they work as spoilers or facilitating channels for local elite and business groups to get into municipal government. Special attention is given to the development of new parties in Altai Territory where, as well as in other regions, can be seen instrumental character of shaping parties.

Key words: political parties, party system, electoral process, the subjects of the Russian Federation, political regime, political consciousness.

дали только парламентские партии и партии, представленные в законодательных собраниях регионов. И почти сразу на политическое пространство хлынула волна мелких партий корпоративных и групповых интересов, партий-брокеров, клубов, спойлеров и просто партий «про запас», «на всякий случай»: на федеральном уровне более 200 инициативных групп заявили

о желании зарегистрировать политическую партию, 31 партия получила право участвовать уже в осенних выборах 2012 г.

Изменение законодательства формально предполагало создание условий для многопартийной системы широкого плюрализма. В экспертном сообществе обсуждалась возможность появления амбициозных, претендующих на лидерство партийных проектов, что могло повлечь за собой серьезное переструктурирование политических взглядов и предпочтений, каналов их выражения на федеральном и региональном уровнях. Однако среди зарегистрированных политических партий самого разного толка действительно сильных, конкурентоспособных проектов так и не появилось [1, с. 77].

В данной статье будут рассмотрены особенности формирования и электоральной деятельности новых российских партий, объективные и субъективные факторы их изначальной политической и электоральной неэффективности.

Казалось бы, новый виток партогенеза повторяет массовое партстроительство начала 1990-х гг. только с тем отличием, что тогда часть партий заимствовала дореволюционные названия, а сейчас — названия партий, существовавших в 1990-е — начале 2000-х гг. Так, для наименования новых партий использовались ликвидированные к 2007 г. проекты: «Демократическая партия России», «Партия пенсионеров России», «Аграрная партия России», «Партия Мира и Единства», Российская экологическая партия «Зеленые» и др. Более того, в связи с незначительным периодом ужесточения законодательства о партиях часть партий воссоздавались их прежними лидерами, что можно рассматривать как преемственность партогенеза и сохранение кадрового ресурса этих проектов.

Однако особенность современной ситуации намного глубже и масштабнее. «На межпартийное соревнование в России значительное воздействие оказывает специфика институционального дизайна и существующего политического режима, которые создают систему координат для деятельности политических партий и во многом определяют набор тех возможностей, которые существуют в партийном строительстве» [2, с. 34].

В 1990-е гг. государство в силу необходимости решения задач, связанных с обеспечением безопасности себя и общества и проведением модернизации, придерживалось модели плюрализма. Политический процесс в данном случае разворачивался как результат конкуренции различных сложных добровольных неиерархичных и самоопределяющихся групп интересов, в том числе и государства, в ходе которой распределялись власть и ресурсы общества. Мощнейшим катализатором партогенеза и средством упорядочивания партийной системы выступали выборы, особенно федерального уровня: после каждого электорального

цикла количество партий сокращалось за счет ухода из политического пространства созданных под выборы «партий-однодневок» и явных партий-аутсайдеров.

С начала 2000-х гг. государство переходит к корпоратизму, начиная «выстраивать» политический процесс как сферу взаимодействия между политическими акторами под своим контролем. В рамках этой стратегии государство «пытается оседлать и возглавить почти все повестки дня (кроме либеральной): социальную, консервативную, патерналистскую, патриотическую» [3, с. 93] и сформировать соответствующие им партии-«клиенты».

Этой стратегии не противоречит и некоторое переформатирование партийной системы. Властная элита, пытаясь сохранить доминирование исполнительной власти в ситуации истощения ресурсов административного контроля над политическим пространством, переходит к стратегии «разделяй и властвуй», названной Б.И. Макаренко «необонапартизмом», когда, «умеренно расширяя рамки политической конкуренции», власть намеренно «распыляет» силы оппозиции и выстраивает ситуационные коалиции с различными союзниками [4, с. 90]. Тем более, что первая половина 2000-х гг. уже сформировала у власти опыт быстрого сокращения партийного спектра.

Еще одним препятствием на пути развития новых партий выступает сложившийся формат партийной системы. Четыре парламентские партии объективно обладают ресурсным приоритетом, развитой организационной структурой, общественным паблисити и потенциалом представительства для элитных групп различного уровня. Кроме того, вполне в соответствии с принципами корпоратизма они уже имеют «проблемную специализацию», акцентируя свои заявления на той или иной общественной сфере. Так, для «партии власти» наиболее важными являются проблемы, связанные с отношением к существующему режиму, обеспечением порядка и безопасности, и проблемы консолидации государства (например, отношение «центр — регионы»), для ЛДПР — национальный вопрос, для КПрФ и «Справедливой России» — социально-экономические проблемы и отношения между городом и селом [5, с. 112–113].

Замораживанию партийного спектра способствовало и воспроизведение, пусть в российском варианте, мировой тенденции к картелизации партийной системы.

Усиление маркетинговых черт политики и партийной деятельности к концу XX в. сделало их более дорогостоящими. Недостаточность партийных взносов для ее обеспечения подтолкнула партии к поиску новых стабильных источников финансирования. Им стало государство, создав механизм государственной поддержки партий, в первую очередь финансовой.

Кроме того, в западных странах сложился круг достаточно крупных партий, долгое время участвующих

щих в формировании органов государственной власти и фактически ставших политическими монополистами. Они сумели выработать общие взаимовыгодные «правила игры» и стремятся не допустить в свой круг новых партийных игроков, привносящих некоторую нестабильность в сложившуюся ситуацию. Р. Пелиццо сравнивает их с олигополиями в экономике, когда «небольшое число компаний контролирует большую часть рынка. На таких рынках спрос не определяет ни цену, ни количество представленного товара». Так и партии «не только перестают реагировать на электоральный спрос, но и идут на сговор друг с другом, стремясь закрепить за собой господство на политическом пространстве» [6]. Именно их Р. Кац и П. Мэйр предложили называть «картельными» партиями [7]. По словам П. Мэйра, их существование и деятельность связаны с «получением госсубсидий и ... покровительством со стороны государственных структур» [8]. При этом в условиях «партийного государства» партии сами создают себе преференции в плане государственного финансирования, доступа к СМИ и т. д. И здесь проявляется основное отличие российских партий от западных: если последние борются за сохранение места в органах власти как возможности доступа к распределению национальных ресурсов, то для отечественных партий утрата этого места равносильна утрате права на существование. Учитывая российские реалии, можно утверждать, что ни одна из парламентских партий не может быть уверена в том, что ей будет позволено сохранить свое положение в следующем избирательном цикле, и новые партии только усиливают эти опасения.

Не востребовано расширение партийной системы и рядовыми избирателями. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований на федеральном и региональном уровнях. Так, согласно опросу ВЦИОМ в ноябре 2008 г. сокращение партийной системы до нескольких крупных партий положительно оценили 68% россиян. 45% опрошенных в качестве идеальной для нашей страны назвали модель из 2–3 хорошо организованных массовых партий. Примечательно, что число сторонников «одной сильной правящей партии» советского типа достаточно стабильно на уровне 30%. В 2001–2004 гг. они составляли 34% избирателей, в 2005 г. — 38% и в 2006 г. — 32% [9].

По данным Левада-Центра за июль 2012 г., 51% респондентов считали, что России необходимо 2–3 большие партии, 22% — выступали за «одну сильную правящую партию», идею «множества относительно небольших партий» поддержали лишь 12% опрошенных. Характерно, что причинами образования новых

партий россияне назвали: удовлетворение амбиций отдельных политиков (22%), выражение интересов отдельных слоев населения (17%), предоставление людям реальной возможности выбора (15%), отвлечение части электората, голосующего за оппонентов «Единой России» в Госдуме (11%), попытку добиться успеха на региональных и местных выборах (7%), рассеивание протестного, оппозиционно настроенного электората (6%), дискредитацию идеи демократии, показ, что от партий нет никакого толка (3%) [10].

Представления жителей Алтайского края соответствовали общероссийской тенденции, а в последние годы стали даже более инерционными. Так, в 2005 г. сторонниками многопартийности являлись 34% жителей края, двухпартийную систему поддерживали 21% опрошенных, однопартийную — 24%. 17,3% респондентов ответили, что партии в России не нужны¹. Такое мнение было характерно больше для женщин, чем для мужчин, для людей, имеющих высшее образование и низкий уровень дохода.

В апреле 2012 г. только 27% жителей Алтайского края поддержали расширение партийной системы, 35% высказались за ненужность и/или декларативность данной меры².

Почти таким же распределение оказалось и в 2013 г.: 21% жителей края посчитали идеальной для России однопартийность, 14% — двухпартийность, 33% — многопартийность, 12% заявили, что партии не нужны вообще.

За однопартийную систему чаще выступают женщины (22%); респонденты в возрасте 41–60 лет (29%) и 61 год и старше (23%); по роду занятий — предприниматели (32%), фермеры (30%), пенсионеры (26%), служащие (23%) и безработные (21%); проживающие в сельской местности (24%) и городах края (21%).

Двухпартийная система чаще находит поддержку у мужчин (15%); респондентов в возрасте 26–40 лет (14%) и 61 год и старше (19%); по роду занятий — военнослужащих (19%), предпринимателей (19%), работников агропредприятий (18%), неработающих (16%), пенсионеров (15%), служащих (14%); проживающих в Барнауле (17%) и сельской местности (15%).

К сторонникам многопартийности в первую очередь относятся мужчины (34%); респонденты в возрасте 18–25 лет (40%) и 26–40 лет (33%); по роду занятий — фермеры (50%), студенты (45%), военнослужащие (43%), работники коммерческих организаций (35%) и служащие (33%); проживающие в Барнауле (43%) и городах края (33%).

Отрицают необходимость партий респонденты в возрасте 26–40 лет (14%) и 61 год и старше (12%);

¹ Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в 2 городах и 2 районах Алтайского края. Было опрошено 584 человека.

² Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. в 3 городах и 5 районах Алтайского края. Опрошено 763 человека.

по роду занятий — работники агропредприятий (29%), безработные (19%), неработающие (16%), студенты (12%) и пенсионеры (12%); проживающие в малых городах края (17%)¹.

При этом можно констатировать сохранение расхождения представлений граждан о партийной системе и формальной динамики партийного пространства на федеральном и региональном уровнях.

Так, в 2013 г. в Алтайском крае официально зарегистрировано еще более 20 региональных отделений в дополнение к тем 36, что уже существовали к началу года. Однако большинство новых отделений в политическом пространстве региона никак себя не проявили. Их активность все так же носила единичный и бессистемный характер, ограничиваясь, как правило, организационной работой в виде назначения или смены руководителя. Исключение не составляло и информационное сопровождение самого процесса официальной регистрации отделения, когда в СМИ попадала только общая информация о целях и программных положениях новой партии.

К началу 2014 г. в крае официально зарегистрировано уже 57 региональных отделений политических партий, однако их формальное количество никоим образом не сказалось на качестве и событийной насыщенности политического процесса в регионе.

Измененный институциональный дизайн партийной системы не снял барьеры и в сфере электоральной эффективности новых российских партий. Уже в 2012 г. было понятно, что большинство из них, как и прежде, не могут составить серьезной конкуренции крупным партиям на федеральном уровне, но имеют шансы разнообразить местный политический ландшафт, выступая в качестве инструмента реализации интересов региональных элит. Достаточно вспомнить такое явление, как партийный франчайзинг, когда крупные бизнес-группы, группы интересов или даже региональные власти получают контроль над региональными отделениями более-менее известных политических партий, проводя в региональные и местные legislatures под их брендами своих представителей. Именно благодаря ему, например, на выборах депутатов Госсовета Республики Алтай в 2006 г. маргинальная Российская партия жизни заняла четвертое место, набрав 8,83% голосов избирателей. Аналитики по этому поводу были почти единодушны, что основную активность на данных выборах проявили вовсе не партии, а местные кланы, «прибравшие к рукам» федеральные партии [11].

Отсутствие для партий необходимости сбора подписей как раз делало их электорально привлекательными для различных групп интересов, в частности на местном уровне. А потому партстроительство осо-

бенно интенсифицировалось в регионах с близкими региональными или крупными муниципальными выборами. В частности, в Пензенской области в выборах региональных органов законодательной власти 14 октября 2012 г. имели право участвовать 19 партий, в Удмуртской Республике — 20, в Краснодарском крае, Саратовской и Сахалинской областях — 25, а в Республике Северная Осетия и регионах, где проходили крупные муниципальные выборы, — 27.

Сравнивая эти числа с количеством партий, выдвинувших списки в соответствующих регионах, мы видим высокую корреляцию. На выборах в региональные законодательные собрания больше всего списков было выдвинуто в Республике Северная Осетия — Алания (18), а меньше всего — в Пензенской области и Удмуртской Республике (11). Во всех регионах, кроме Сахалинской области, списки выдвинули более половины партий, имевших на это право. На муниципальных выборах активность партий была сравнительно ниже, но значительнее степень разброса показателей: больше всего списков (12) выдвинуто сразу в трех городах — Черкесске, Владивостоке и Твери, меньше всего — в Курске (6) [12].

Среди новых партий в 2012 г. самой высокой активностью отличились Демократическая партия России, которая выдвинула списки на всех 6 региональных и 6 из 7 муниципальных выборах, и Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), выдвинувшая списки во всех регионах, где имела на это право (но на муниципальных выборах в трех городах отказали в регистрации). Кроме того, высокую активность продемонстрировали Российская экологическая партия «Зеленые», которая выдвинула списки на 6 региональных и 4 муниципальных выборах, партия «Коммунисты России», выдвинувшая 5 региональных и 5 муниципальных списков, и «Союз горожан» (7 муниципальных списков, трем из которых отказано в регистрации, и 2 из 4 возможных региональных списков).

Также можно выделить группу партий, принявших активное участие только в выборах регионального уровня. В нее вошли партии «Города России» (4 региональных списка), «Партия За справедливость!» и «Партия социальных сетей» (3 региональных списка).

Ни одного списка ни на региональных, ни на муниципальных выборах не выдвинули партии «Молодая Россия», «Новая Россия», «Умная Россия», а также Аграрная партия России.

По одномандатным округам среди новых партий наибольшую активность опять же проявили «Коммунисты России», опередившие даже старые

¹ Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в 5 городах и 8 районах Алтайского края. Опрошено 1000 человек.

партии — «Яблоко» и «Правое дело» (выдвинули кандидатов на 5 региональных и 3 муниципальных выборах). Чуть менее активна была Российская экологическая партия «Зеленые» — 5 выборов [12].

В муниципальных выборах 14 октября 2012 г. в Алтайском крае имели право участвовать 25 региональных отделений партий, но на самых конкурентных выборах в Барнаульскую гордуму выдвигали своих кандидатов лишь 9 из них, и только две партии относились к вновь образованным. Партия «Зеленые» выдвинула 23 кандидата-списочника в составе 10 территориальных групп (с 1-го по 10-й округ), 13 из них — студенты и безработные. Еще 20 кандидатов партии шли по одномандатным округам. В общемуниципальную часть списка «Зеленых» вошли В. Кириллов — председатель Совета регионального отделения партии в Алтайском крае, заведующий лабораторией ИВЭП СО РАН, директор ООО «Экофонд», член партии А. Горохов и директор ООО «Эко-Алтай», член партии К. Мироненко. Партия «Города России» предоставила в Барнауле список из 20 кандидатов только по одномандатным округам, а также выдвинула несколько кандидатов по одномандатным округам в Рубцовский городской Совет депутатов, Новоалтайское городское Собрание депутатов и в отдельные муниципалитеты [13].

В довыборах 2014 г. из новых партий приняли участие региональные отделения «Коммунистической партии — коммунисты России» (2 округа в Хакасии) и партии «Великое Отечество» (выдвигала кандидата в Кемерове — отказано в регистрации). Кроме того, «Коммунистическая партия — коммунисты России» участвовала в выборах в Верховный Хурал Республики Тыва, сформировав общую часть списка и 16 региональных групп. На выборах в Эл-Курултай Республики Алтай «Зеленые» наравне с «Единой Россией», КПРФ и «Патриотами России» сформировали наибольшее количество территориальных групп (20), минимальное количество территориальных групп содержали списки Республиканской партии России (РПР) и «Гражданской инициативы» (по 13) [14–16].

Также новые партии в 2014 г. выдвигали кандидатов на крупных муниципальных выборах. В частности, «Гражданская платформа» приняла участие в двух выборах из трех (Улан-Удэ и Иркутск). В Чите кандидатов выдвигали «Зеленые» (3 кандидата, зарегистрировано 2) и «Российский объединенный трудовой фронт» (2 кандидата, зарегистрирован 1); в Иркутске активность проявили РПР (2 кандидата, зарегистрирован 1), «Родина», «Гражданская платформа» и явный спойлер — КПСС (выдвинула 35 кандидатов, и почти все они зарегистрированы). Не смогли зарегистрировать выдвинутых кандидатов (по 1) «Союз труда» и «Российская партия пенсионеров за справедливость» [17–19].

В связи с четкой дифференциацией политического рынка отделения новых партий большинства регионов возглавили никому не известные персоны, поэтому во главе их списков становились федеральные лидеры партий. У Российской экологической партии «Зеленые» лидер партии А.А. Панфилов возглавил списки в Краснодарском крае, Пензенской и Саратовской областях. Лидер партии «Коммунисты России» М.А. Сурайкин возглавил списки в Республике Северная Осетия — Алания и Пензенской области. «Альянс Зеленых — Народная партия» поставил во главе списка в Удмуртской Республике председателя центрального совета партии О.Л. Митволя, а в Республике Северная Осетия — Алания — председателя партии, бывшего члена Совета Федерации Г.Г. Фетисова. Лидер партии москвичка Г.Ф. Хавраева занимала первую строчку в краснодарском списке Народной партии «За женщин России», а В.А. Рыжков — в саратовском и барнаульском списках РПР-Парнас.

Более того, у ряда новых партий списки на региональных выборах состояли из одних и тех же людей, имеющих мало отношения к региону. Например, у Демократической партии России в 2012 г. из одних и тех же кандидатов состояли списки в Республике Северная Осетия — Алания и Краснодарском крае, среди которых 9 москвичей и нет ни одного жителя этих регионов [20]. Данная тенденция сохранилась в последующем электоральном процессе. В 2014 г. «Коммунистическая партия — Коммунисты России» одновременно выдвинула почти идентичные списки на выборах в Верховный Хурал Республики Тыва и Госсобрание Республики Алтай. При этом значительную долю в них заняли жители Москвы, Кузбасса, Северной Осетии, Твери, Иваново, Калининграда и т. д. — руководители «региональных» отделений партии [14; 15].

На франчайзинговый характер новых партий указывали, например, списки партии «Города России», во главе которых в 2012 г. стояли в Республике Северная Осетия — Алания — генеральный директор ООО «Холдинговая компания «АЛРОССА»» А.Н. Хугаев, в Саратовской области — генеральный директор ООО «Гражданпромстрой» Н.А. Архипов, и «Партии За справедливость!» (в Краснодарском крае список возглавил генеральный директор ООО «Чинара» Г.М. Гаджиев).

Интересно, что в единственном выдвинутом Партией пенсионеров России списке в Пензенской области не было ни одного кандидата, который значился в качестве пенсионера, возраст половины кандидатов — до 50 лет. Список возглавил начальник Управления Пенсионного Фонда РФ в г. Пензе М.Ю. Буданов, в нем в основном работники медицинских и образовательных учреждений. А в краснодарском списке Народной партии «За женщин России» места со 2-го по 4-е занимали мужчины.

Очевидно, что, выдвигая такие списки, партии не рассчитывают на электоральный успех, а действуют с какими-то иными целями. Одна из задач подобных партий может состоять в выполнении функции спойлера, т. е. они могут работать на ослабление позиций наиболее вероятных политических конкурентов, выдавливая их на периферию политического поля и обеспечивая победу на выборах доминирующей партии [1, с. 93]. В прошлом эти функции не раз выполняла возглавляемая А.В. Богдановым ДПР.

На спойлерский характер указывает и широкое участие в выборах партий, использующих в своих названиях указание на коммунистичность («Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Коммунисты России»). Так, в 2012 г. в Краснодарском крае в трех одномандатных округах КПСС выдвинула против кандидатов от КПрФ их однофамильцев. В городах же с более протестным электоратом (Барнаул, Курск, Ярославль) КПСС было отказано в регистрации, чтобы не ухудшать результат «Единой России». На относительно плюралистичных выборах в Госсобрание Республики Алтай 2014 г. в бюллетене присутствовали, кроме «Патриотов России» и «Родины», «Коммунистическая партия социальной справедливости», «Партия За справедливость!», а также «Гражданская инициатива», которая должна была отвлекать внимание от впоследствии снятой с выборов «Гражданской силы».

На выборах глав регионов в том же году кандидаты от «новых» партий также появлялись лишь в тех регионах, где нужна была страховка губернаторов (функцию кандидата-дублера выполнял В. Кириллов от «Зеленых» в Алтайском крае) или присутствовали элементы борьбы элитных группировок (В. Петров от «Гражданской силы» в Республике Алтай и И. Серебряков от «Патриотов России» в Красноярском крае). В последнем случае как раз и проявился франчайзинговый характер российских партий.

Впрочем, в выдвижении «пустых» списков возможна и «безобидная» цель. Закон обязывает партии за определенный период (в настоящее время — 7 лет) набрать некоторое количество фактов участия в выборах (например, участие в одной пятой части региональных выборов). В результате он стимулирует выдвижение партийных списков просто «ради галочки», тем более что затраты на выдвижение и регистрацию списка в условиях освобождения всех партий от сбора подписей оказываются совсем незначительными [20].

На этом фоне в 2012 г. обращало на себя внимание отсутствие в большинстве регионов и городов отсева списков, особенно если учитывать, что в выборах участвовало много новичков. Так, по городам доля отсева составила 18%, а по регионам — всего 2,4% (2 из 83 списков), в то время как в кампаниях 2010–2011 гг. отсев составлял 6–12%, ранее он был еще больше.

На выборах в Барнаульскую городскую Думу не прошли процедуру выдвижения кандидатов семь новых политических партий — им Барнаульский избирком отказал заверить списки из-за неправильного оформления документов: «Партия социальных сетей», «Демократическая партия», «Народная партия», «Социал-демократическая партия», «Умная Россия», «Коммунистическая партия социальной справедливости» (КПСС) и «Союз горожан». Большинство региональных отделений объективно не сумели подготовить ресурсы для этой избирательной кампании и решить множество процедурных вопросов, что выразилось в их достаточно спокойной реакции на отрицательное решение избирательной комиссии.

Безусловно, свою роль здесь сыграло освобождение партий от сбора подписей, поскольку главной причиной отсева чаще всего являлся «брак» в подписных листах. Однако есть основания считать, что имели место и определенные установки на либеральное отношение к партийным документам, по сути, ситуация «отмашки» на регистрацию, чтобы продемонстрировать недеklarативность нового закона и за счет распыления голосов увеличить проценты партии власти, тем более, что в дальнейшем степень отсева резко возросла. Возвращение требования сбора подписей для непарламентских партий привело к сокращению числа участвующих в выборах списков с 17,2 в 2013 г. до 10,7 в 2014 г., а после регистрации в среднем на регион данный показатель составил 8,5. Отсев списков на стадии заверения и регистрации увеличился с 8,5 до 20% [21].

Все это, как и результаты выборов, когда в отдельных регионах в зависимости от списка зарегистрированных новых партий почти в 2 раза по сравнению с декабрем 2011 г. снизился уровень поддержки КПрФ, «Справедливой России» или ЛДПР, еще раз подтверждает спойлерский характер большинства новых партий — ДПР, КПСС, Партии социальных сетей, Социал-демократической партии России, «Союза горожан» и др. Так, в 2014 г. на выборах в региональную легислатуру Тывы «Коммунистическая партия — Коммунисты России», набрав 0,77% голосов избирателей, вместе с «Патриотами России» (0,72%) не позволила КПрФ (3,4%) обойти «Справедливую Россию», поддержанную 4,9% избирателей, но получившую один мандат в соответствии с избирательным законодательством [14].

Вместе с тем увеличение числа партий, участвовавших в выборах, не сказалось на их результатах. Преодолеть заградительный барьер, как и раньше, удается только парламентским партиям. Достаточно вспомнить, что электоральная статистика 1990-х — начала 2000-х гг. в большинстве регионов Российской Федерации показывала высокую степень концентрации голосов избирателей. Вполне в соответствии

с основными тезисами теории рационального выбора значительная часть из них отдавала предпочтение партиям, которые имели реальные шансы преодолеть заградительный барьер, стремясь вложить свой голос в «проходной» или конкурентоспособный товар. Немаловажную роль играл и имеющийся у гражданина объем информации о партиях, уровень которого зависит от степени присутствия партий в информационном пространстве, в свою очередь, детерминированный их статусом в политическом процессе и контролируемые ресурсами.

В 2012 г. из новых партий только «Зеленые» в Ярославле приблизились к барьеру, набрав 4,79% голосов, КПСС поддержали 3% избирателей Сахалинской области, а «Коммунистов России» — 3,27% жителей Краснодарского края. В большинстве же случаев результаты «новичков» не превышали 1–2%. На муниципальных выборах 2014 г. «Гражданская платформа» получила один мандат в Иркутске, но выборы проходили по мажоритарной системе [17]. Практически в шаге от попадания в Курултай Республики Алтай остановилась партия «Родина», набравшая 4,8% голосов [15].

Отсутствие реальных финансовых и кадровых ресурсов у новых партийных проектов, их электоральная неэффективность приводят к ликвидации их региональных отделений. Так, в 2014 г. в Алтайском

крае из реестра были исключены 11 региональных парторганизаций. В их число вошли отделения таких партий, как «Колокол» (зарегистрировано в крае в ноябре 2013 г.), «Возрождение аграрной России», «Партия Социальных Реформ», «Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна», «Демократическая партия России», «Родная страна», «Социал-демократическая партия России», «Союз горожан», «Гражданская сила», «Гражданская позиция», «Народная партия России».

Таким образом, можно констатировать, что появление большого числа партий пока не оказало влияния на электоральные процессы. На федеральном и региональном уровнях сохраняется унифицированность пирамидальной конфигурации российской партийной системы. Новые партии в основном играют роль спойлеров, позиционируя себя на актуальных для общества социальных проблемах или схожести названий с известными партийными структурами. В целом же российские партии по-прежнему не исполняют реальной институциональной роли в управлении государством, а большинство населения не заинтересовано в расширении формата партийной системы. Это оставляет партии слабым, второстепенным элементом российской политической системы и дает власти возможность для маневра при необходимости политической мобилизации.

Библиографический список

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. — 2014. — № 4.
2. Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. — М., 2012.
3. Макаренко Б. Посткрымский политический режим // Pro et contra. — 2014. — № 3–4.
4. Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et contra. — 2012. — № 4–5.
5. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. — 2008. — № 2.
6. Пелиццо Р. «Картельная» партийная система [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kartel-naya-partijnaya-sistema>.
7. Кац Р., Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. — 2006. — № 1.
8. Мэйр П. О партиях, которые не могут быть аутсайдерами [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/O-partiyah-kotorye-ne-mogut-byt-autsajderam>.

9. Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента // Пресс-выпуск Левада-Центра. 25.07.2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/press/2006072504.html>.
10. Общественное мнение о политических партиях // Пресс-выпуск Левада-Центра от 09.08.2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/09-08-2012/obshchestvennoe-mnenie-o-politicheskikh-partiyakh>.
11. Алексей Мазур о выборах в Горном Алтае: местные кланы приватизируют федеральные партии [Электронный ресурс]. — URL: <http://tayga.info/analit/197/>.
12. Информационная записка об итогах выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов в ходе избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления муниципальных образований — административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации 14 октября 2012 г. (по состоянию на 19 сентября 2012 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/09/19/inf_itog_vidv.html.

13. Барнаульский горизбирком зарегистрировал кандидатов «Зеленых» и заверил список одномандатников от «Городов России» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bankfax.ru/news/85330/>.

14. Выборы депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва второго созыва [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tyva.vybory.izbirkom.ru/region/tyva?action=show&vrn=2172000396837&region=17&prver=1&pronetvd=1>.

15. Выборы депутатов Республики Алтай шестого созыва [Электронный ресурс]. — URL: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/altai_rep?action=show&vrn=2042000250902&region=2&prver=0&pronetvd=0.

16. Повторные выборы депутата Верховного Совета Республики Хакасия шестого созыва по одномандатному избирательному округу №1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.khakas.vybory.-izbirkom.ru/region/khakas?action=show&vrn=2192000396859&region=19&prver=0&pronetvd=0>.

17. Выборы депутатов Думы города Иркутска шестого созыва [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vrn=4384014166064&region=38&prver=0&pronetvd=null>.

18. Выборы депутатов Думы городского округа «Город Чита» шестого созыва [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zabkray.vybory.izbirkom.ru/region/zabkray?action=show&vrn=2752000735115&region=92&prver=0&pronetvd=null>.

19. Выборы депутатов Улан-Удэнского городского Совета депутатов пятого созыва [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.buriat.vybory.izbirkom.ru/region/buriat?action=show&vrn=4034023178730&region=4&prver=0&pronetvd=null>.

20. Любарев А. Итоги регистрации кандидатов на выборах в региональные парламенты [Электронный ресурс]. — URL: <http://komitetgi.ru/publications/213/#.UGpRoa7WH7Y>.

21. Аналитический доклад №3 по долгосрочному наблюдению выборов 14 сентября 2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://komitetgi.ru/analytics/1744/>.